

Анна Парвати

नमः शिवाय नमः शिवाय नमः शिवाय

Жизнь циклична. Когда прежний брак разрушен, а новые отношения ещё неустойчивы, когда успешная карьера больше не вдохновляет, а другое дело ещё не нашлось, когда ты хрупкая молодая женщина... самое время взвалить на плечи рюкзак и на несколько месяцев уехать в Индию. Стереть себя прежнюю, найти себя новую. И... оказаться в Китае, где предстоит выстраивать жизнь «с чистого листа».

Возрастная категория: 16+

© Издательство «Планж», 2017

Анна Парвати

На ладонях Азии

Индия

Моя связь с городами и странами, как и любовь к людям, снисходит внезапно тяжёлым потоком, отпущенным заразом на годы вперёд. И поначалу совсем это не ощущается как радость, как счастье. Скорее, как фатальность. Так было с Питером — однажды, глядя на ноябрьскую Неву, почувствовала: мне теперь здесь жить... Через день ехала в Москву и плакала — не могу объяснить логично эти слёзы, просто переполняет энергия, внутреннее ощущение завершённости одного и неминуемого, мощного начала другого. Даже если на уровне событий ещё ничего не успело произойти. Так было и с Индией прошедшей весной: она меня словно пережгла, перемолола и выплюнула. Грязная, нищая, священная, любящая, щедрая страна. Полгода назад я уезжала с чётким знанием: вернусь сюда в этом году на более долгий срок. Возвращаюсь... Нам даётся не так много...или, наоборот, бесконечно много? Вот время жизни, вот необходимые уроки, а вот места обучения и люди-учителя. Душа безапелляционно спускает сверху указания, приоткрывает карту дальнейшего пути, и остаётся только принять эту неизбежность, шагнуть в неё и начать снова — снова и снова! — преданно, бесстрашно, доверчиво идти по пути, который на самом-то деле выбран уже давно и не умом...

* * *

Андрей, в этом полёте между городами, между странами — бери шире! — между мною прежней и новой, между нашими отношениями раньше и в будущем, хочу написать тебе. Знаешь, любовь для меня предполагает регулярную «поделёжку» (красивое английское слово sharing), правда, набираю сейчас эти строки и понимаю, что «шэрить» свои мысли и чувства немного выдуманному тебе мне легче, чем реальному, когда мы лицом к лицу (а чаще всего — рука в руке, лёжа и глядя в потолок). Это понятно — здесь я могу сколько угодно воображать, что ты меня подбадриваешь, понимающе киваешь, и я продолжаю. На деле же ты несколько раз довольно резко меня обрывал, заставляя краснеть от стыда. Бывало, я ощущала, что тебе не особенно интересно то, что меня сейчас волнует. А иногда ты сам был настолько переполнен событиями дня, что невозможно было «лить» ещё сверху. Или я не находила точных слов, чтобы выразить свои мысли и чувства. Рассказанная по горячим следам, ещё не вполне осмысленная, внутренняя работа порой меркнет, мельчает, не может быть передана со всей глубиной и силой. Ладно, пусть сейчас остаётся как есть. Рейс Москва-Дели и всё грядущее позволяет пока отодвинуть вопрос того, насколько искренней и открытой я могу быть с тобой. Мы не увидимся теперь долго...

Но не волнуйся ни о чём. Я так рада, что лечу в Индию, проведя с тобой в Праге великолепные две недели ссор, любви, узнавания друг друга и

близости. Каждый вечер встречать тебя с работы и видеть твоё счастливое, радостное, новое лицо. Обнимать и целовать тебя после долгого и недолгого дня порознь. Чувствовать, как нежность перетекает между нами, замыкается, переливается и сияет, соединяя...

Интересно, что, как выяснилось, для тебя забота — это и есть любовь. Так просто и так честно. Но знаешь, это ведь не только руками что-то приготовить, прибрать. Любовь — это когда ты утыкаешься носом мне в плечо, я тебя глажу по волосам, ты затишаешь, и постель, комнату, дом, весь город наполняет то, что рождается между нами.

Я всё равно поехала бы в Индию, всё равно на несколько месяцев — это же была моя мечта, это было моё намерение, это моя любовь. А если я не буду слушать свою любовь сейчас, в возрасте чуть за двадцать пять, то когда же я её буду слушать? Позже мне не станет проще покинуть тебя на несколько месяцев, я не стану смелее для всей этой авантюры. Правда в том, что я ценю свои личные замыслы и путь, а теперь формируется наше с тобой пространство — и оно тоже для меня ценно. Но я не хочу выбирать между первым и вторым. Я хочу научиться соединять это. Даже хорошо, что сейчас у нас с тобой небольшая пауза, потому что я точно знаю, что вернусь к тебе. Набегаюсь по пляжу, наболтаюсь с людьми, нагляжусь на волшебную страну, нафотографирую и нафотографируюсь, насажусь в медитациях, найожусь, наемся фруктов, накупаюсь, нахожусь по храмам, начитаюсь книжек, напишу

море текстов... Я вернусь к тебе той же и совсем другой, наверное, и наши с тобой отношения тоже будут такими же в сердцевине, но всё же чуть другими. Понимаешь, Андрей, просто я совсем недавно почувствовала, что мы с тобой, действительно, вместе, что я люблю тебя и я рядом. Вернусь, и мы продолжим.

* * *

Путешествие только началось, а мы уже вместо запланированного Дели почему-то находимся в Джайпуре. Наше первое с Таней, моей попутчицей, боевое крещение: бессонная ночь с перелётом Москва-Дели, таксист, который говорит, что дорога в наш отель перекрыта для нерезидентов страны из-за какого-то политического мероприятия, далее агент туристического офиса, куда нас привозят... Он звонит в пять утра в наш отель, где подтверждают информацию про перекрытый центр и отмену нашей брони из-за такого форс-мажора. Я беру трубку сама. Заговорщическим тоном на том конце провода мне сообщают: «Вам лучше покинуть Дели как можно скорее! Здесь будет беспокойно в ближайшие три-четыре дня».

Конечно, мы ещё не знаем, что всё происходящее — популярная «разводка» для белых туристов. Мне кажется, что разыгрывать такую комбинацию слишком сложно, враньё вообще кажется мне слишком сложным для исполнения, поэтому из чувства лени я сама всегда отвратительно честна. И с таким же простодушием верю другим. Что касается

Тани, она тяжело и туго молчит. Но надо что-то решать: выгружаться за дверь туристического офиса, где ночь, незнакомый Дели, вокруг околачиваются какие-то странные люди, закутанные в грязные одеяла, с красными глазами, либо... Без местных номеров, без интернета, без знакомых в этом городе, с трудом понимающие индийский английский (о нет, это не тот язык, которому мы учимся в школе, институте или на курсах!), мы соглашаемся на тур по золотому треугольнику Джайпур-Агра-Дели за баснословные по местным меркам деньги. С немедленным отправлением. И имеем пять часов на арендованном автомобиле из Дели в Джайпур, проживание в приличной гостинице здесь, проплаченный путь в Агру, гостиницу там, дорогу обратно в Дели и дорогу в Ришикеш.

Всё это время нас, как «белых леди», сопровождает личный водитель, что, с одной стороны, помогает мягче втереться в пространство этой безумной, сердечной, обманчивой страны, а с другой, напрягает постоянными переговорами на хинди между нашим водителем и местными. Ощущение идиотское, сколько ни корчи из себя культурного, умного человека. Пелена вранья настолько плотная, что остаётся только смириться. Как-то читала в интернете: если вы белый и едете в Азию, примите неизбежность быть обманутым, в том числе на деньги. Как только появляется интернет, мы, конечно, узнаем, что никакого политического сбора нет и это типичное шоу с целью продажи туров перепуганным туристам. В забронированной нами из России делийской

гостинице нас всё ещё ждут. Но мы уже в Джайпуре. Я молюсь слоноподобному богу Ганеше, покровителю путешественников, Таня исступлённо роется в интернете (и мой иррациональный, и её рациональный подходы в дальнейшем приносят свои волшебные плоды). Как сказал всё тот же туристический агент ближе к шести утра: «Будь сильной — ты же в Индии!».

* * *

Впечатления дня складываются совсем не из посещения рекомендованных путеводителем точек. Розовый город — старая часть Джайпура, выстроенная из розового камня, и другие достопримечательности, конечно, хороши. Но не они делают день и путешествие. Другое. Например, моя личная практика йоги и медитации в семь утра на крыше отеля (ни у кого здесь не вызывает удивления). Например, обычные улицы этого города, когда страшновато выйти из арендованного автомобиля, достать свой телефон за тысячу долларов и что-то сфотографировать. Шум автомобилей и крики торговцев, которые слышны под окнами нашего номера уже с шести утра. Первое в моей жизни сари и индийский телефонный номер. Вопрос продавца на базаре, действительно ли я замужем за индусом? Интересно, что его натолкнуло на такую мысль? Мой аутентичный наряд? Точка-бинди на лбу после посещения храма? Браслеты и кольца на пальцах ног? Интересно поиграть в другую себя: «А что, если бы действительно?...».

* * *

Сегодня Индия к нам щедра – спасибо Ганеше за удачные стечения обстоятельств и Гуглу за информацию! Утром, покидая Джайпур, зашли в Сурья Темпл, где местный брамин пригласил нас присоединиться к молитве в кругу ещё четверых индусов. Пели мантры и я чувствовала себя невероятно счастливой! Потом нам повязали ниточки на руки и поставили оранжевые бинди. Двинулись в Агру. По дороге Лакшман, наш водитель, отвечал на мои вопросы о тарифах на дорогах. Проезд между штатами и некоторыми районами внутри одного штата стоит от пятнадцати до пятидесяти пяти рупий, в рублях это примерно столько же, по курсу на 2016-й год. О стоимости мулов (шестьдесят тысяч рупий! Целое состояние для индуса!) и о том, зачем некоторые грузовики обвешаны цветными ленточками, шарфиками и всякими блестяшками. Оказывается, такова личная тяга водителей к прекрасному!

Потом мы увидели Тадж-Махал! Эту мечту я вынашивала три года, с первого приезда в Индию. Знаки внимания в большом количестве ожидали внутри: к нам с Таней постоянно подходили индусы с просьбой сфотографироваться, в основном подростки, молодые люди, иногда совсем взрослые мужчины и даже семьи с детками! Сфотографировались с несколькими десятками людей. Называется: хочешь почувствовать себя звездой?.. Правда, сложно было спокойно посидеть и полюбоваться местом, потому что даже если мы вежливо отказывались, люди подгадывали ракурс, чтобы всё-таки включить

нас в кадр. Через час мы уже как храмовые слоны, с которыми все хотят сфотографироваться, просто кивали головой и, не сходя с места, не отрывая глаз от Таджа, пассивно принимали участие в создании фотосувениров.

Войти в сам мемориал можно только в специальных бахилах, либо босиком, оставив обувь в подозрительно пустующих ящиках рядом в саду. Европейские туристы были облагодетельствованы своими гидами и получили бахилы от них. Никто не хочет рисковать обувкой! Мы же так и не поняли, где брать «белые тапочки» и пошли босиком. «С гидом — любой может!» — хмыкнула Таня.

Шутки шутками, но, конечно, Тадж не про это... А про что? Я ходила и никак не могла понять, о чем мне напоминает эта парящая над землёй, неуловимая, хрупкая и мощная, какая-то абсолютно самодостаточная красота? Видела ли я когда-нибудь что-то более красивое? Как вдруг ответ пришёл легко и честно, изнутри и оттого очень простой: да, видела. Но это не место на карте. Это глаза любимого мужчины. Пазл снова сошёлся в том же месте: всё начинается с любви, всё ею продолжается, всё в неё возвращается...

* * *

У нас весь вечер фоном включён телевизор с музыкальным каналом: периодически зависаем перед картинкой с европейскими лицами. Вот только что пели какие-то мальчишки. «Ооо, мужчины-ы-ы-ы-ы...», — проямлила я, обнаружив

себя перед телевизором, хотя шла в ванну. «В твоём вкусе?» — Таня отвлеклась от ноутбука. «Нет. Просто я так давно не видела мужчин с европейской внешностью!». «Ага, очень давно — четыре дня!» — впрочем, теперь мы уставились на экран уже вдвоём. И вдруг хором: «Мне нра...» — «Вот этот лысый!!». Хохот. Занавес. Через месяц, небось, буду в обморок падать, завидев белого мужчину. Пока кругом — одни индусы.

Ровно год назад, первого декабря, завтракала в кофейне с подругой. В Питере был какой-то адский мороз. Мы обсуждали возможность зимовки в тёплых краях, и тогда я очень уверенно сказала: следующее первое декабря встречу пятками в песок! Что ж, вот он, первый день новой зимы. Я — пятками пока не в песок, это будет позже, но — в мрамор. Днём плюс двадцать семь, ночью — плюс пятнадцать. Создавайте намерения!

* * *

Про Индию так много рассказывают, столько фотографий, божественных и ужасных, можно встретить в интернете, о ней мечтают, как о красивой сказке, и ею пугают глупых туристов, здесь хотят найти просветления или дешёвых наркотиков (иногда — первое через второе), обрести Любовь к Богу или любовь на час под звёздами на берегу океана... На самом деле всё это здесь есть — и много чего ещё...

Индия — наверное, как любая страна — требует впустить её в сердце и раскрывается только так. Не через картинки, которые видишь на улицах,

не через разговоры с продавцами на базарах или разговоры с Богом в храмах или с собой в ночи, не через забавные, трогательные, захватывающие, небезопасные истории, которые с тобой здесь случаются каждый день. Не через это... Впрочем, и через это всё — одновременно. Это заповедная территория со своими необычными правилами, странными законами, к которым надо привыкнуть.

Вспомнилась шутка: «Ресторан “Карма” — здесь нет меню, вам приносят то, что вы заслужили». Можно иметь на Индию какой-то план, но это не важно, потому что у неё уже есть свой план на тебя. И лучше поддаться: расплатиться по старым счетам, принять тот опыт, который нужно принять, раскрыться для того, для чего ты должен раскрыться, попроситься с тем, с чем пора расстаться, даже если ты ещё этого не знаешь. Доверяя пространству, слушая его, быть бдительным к собственным проявлениям, осознавать, что делаешь, что говоришь, что думаешь. Это всё находит отражение в реальности — почти мгновенно!

Вокруг контрасты. Женщины прячут свою рано иссыхающую красоту в бесподобных ярких сари. Священные коровы, которых с почтением объезжают даже самые нетерпеливые водители, жуют пластиковые пакеты. Часто на улице попадают настолько грязные, больные и худые люди, что с четырёх-пяти шагов такой сидящий человек неотличим от кучи мусора. Иногда он как раз копается в ней. У многих людей врождённые уродства, на которые учишься смотреть без отвращения и страха. Божественной красоты храмы, мраморные, кружевные,

будто парящие над землёй... И мрачные улочки со свисающими комками проводов, с запахами, со своими жителями, у которых не по-доброму звериные глаза... Тут же — открытый всем взорам общественный мужской туалет в метре (никаких метафор!) от прилавка с едой.

Я хожу, смотрю, чувствую, впускаю эту страну в своё сердце со всей её роскошью и гноящимися ранами. А внутри меня спокойное осознание: да, это так, не плохо и не хорошо, а просто здесь всё вот так. Но главное — это ощущение внутри: впускать в себя без осуждения, без оценки, просто быть пустой внутри и позволять месту наполнять себя, менять себя. Как в любви. У меня есть свой стержень, свой вектор, поэтому я здесь — он меня ведёт в нужном направлении. И сейчас я в твоих руках, может, даже ещё не зная, зачем, что это нам обоим даст. Так наполняй меня своими мыслями, своими целями, своими чувствами. Что будет нужно — останется во мне, интегрируется. Что не моё — протечёт насквозь и не более. Было и ушло...

* * *

По утрам мы ходим в храмы. Это, с одной стороны, хорошее, духовное начало дня. Куклы божеств, выставленных там, не пробирают меня до глубины души, но приятно молиться и ощущать так ярко присутствие Бога, приятно опускаться на колени и твердить мантры — я знаю несколько, хотя не уверена, их ли надо произносить. Но это неважно, Бог понимает любые языки, принимает любые формы.

Я молюсь своими словами в Казанском соборе в Петербурге, в соборе Святого Вита в Праге, в храме Сурья в Джайпуре, где угодно.

Индия учит следить за собой и соединять противоположности в себе. Смело чесать по базару, уверенно делая знак рукой машинам, моторикшам, повозкам, игнорируя все «сорри, мэ!»», «хэллоу!»», «намастэ!». По-нашему — проявляя невежливость. По индийским меркам, видимо, нормально не отвечать, когда не хочешь. Очень экстравертная страна, не просто дать понять, где твоё личное пространство, твои границы. А зазеваешься — мгновенно что-нибудь предлагают, куда-нибудь затягивают, просто пытаются подойти поближе, потрогать, поговорить. Я уже не помню, со сколькими сотнями людей за это время сфотографировалась, сколько человек задали нам вопросы о том, нравится ли нам Индия, сколько раз спрашивали наши имена, замужем ли мы, сестры ли... Кстати, вспомнилось: брамин в одном из храмов произнёс молитву за нас и наших мужей, спросив имена. И для меня это было символично — чьё имя я назвала. Индия обнажает то, что уже в тебе есть. А вот что было всегда и есть сейчас во мне, вот какая мысль: мой мужчина — тот, которого я люблю, которому доверяю, у которого учусь и хочу учиться дальше — это человек, с которым я нахожусь в духовном контакте, двигаюсь в одном направлении, тот, чьи ценности и жизненные цели разделяю. Даже сомнений не возникает и никакие штампы не нужны — просто ощущаю внутри: да, это мой муж. И наоборот, помню, как мои губы будто сами произнесли: «Я тебе не жена», когда

внутреннее ощущение союза закончилось, хотя печати в паспорте ещё имели силу..

Так вот, противоположности внутри. Резво и поделовому перемещаться по улицам, но нежно и неслышно — по храму. Торговаться азартно и чуть игриво, но заматываться вечером в платок, как в паранджу, почти не поднимать глаз на мужчин. Не улыбаться всем на улице (так сложно!), но быть готовой ответить на объятие, будь то продавец в ювелирной лавке, зрелые индийские тётушки или детки.. Без страха и боли смотреть на реалии индийской жизни, впускать этих людей, эти картинки внутрь, потому что это живая, настоящая ткань бытия, но помнить, что у каждого своя карма и у каждого своя дхарма.

На моей левой руке нарисован хной символ Ом — священный звук, индуисты считают, что с него начался мир. Его нарисовал мне мастер мехенди в качестве подарка на главной базарной улице Дели. Улыбчивый старик отказался брать вознаграждение. Подарок — значит, подарок! А на правой руке ручкой написан телефон полицейского — он написал мне его сегодня утром, честно рассудив нас с вороватым таксистом. Последний пытался обсчитать, мы обратились за помощью, полицейский провёл воспитательную беседу и заставил водителя вернуть взятые сверх меры деньги, а также отвезти «белых леди» по указанному адресу. На всякий случай написал мне свой мобильный телефон на руке. Водитель посмеялся, потом честно выполнил свою обязанность и в конце ещё поблагодарил нас. Мы в ответ обещали помолиться за него...

* * *

Пройдя туристические жернова Джайпура, Агры и Дели, мы оказались в Ришикеше. Нет, не так — Индия подарила нам Ришикеш. Горячие, шумные, многолюдные, страшные и жёсткие города остались позади. В первые же минуты я увидела Гангу — и отвела глаза. Мы шли по подвесному мосту, над бурлящей рекой изумрудного цвета, а вокруг ей в ответ зеленели предгорья Гималаев. Сердце билось о грудную клетку, словно хотело выпрыгнуть напрямик в эту воду: «Подожди, подожди, ещё успеем», — сказала я ему и отвела глаза. «Любовь — это Путь», — прошептала Ганга внутри меня. Мой личный Путь: множество обличий Бога в разных мужчинах рядом со мной. И когда я отпускаю одного и впускаю другого, на самом деле — за всей сменой декораций — любовь не прекращается, просто поворачивает в новое русло, обращаясь к новой форме, которую принимает Бог.

В жизни бывают моменты, когда надо собрать все силы и быть не просто бойцом, а выносливым и не знающим жалости к себе бойцом. Чтобы развернуть штурвал своего судна, пройти через неминуемую очищающую бурю... И тогда всё, что можешь — верить в Того, кто больше тебя, дышать и идти за Ним, делать то, что должен, минута за минутой приближаясь к новым берегам.

А привыкнешь к жёсткости хлещущих волн, забудешь прежнюю жизнь, перестанешь ждать конца этого безумного периода, увидев в нем свою прелесть, как вдруг всё стихнет. И — солнышко,

благодать, тишина, нежность, какое-нибудь красивое место. Но главное, небеса будто прорываются под тяжестью даров, и сыплют, сыплют их на тебя. Словно проверяя — теперь наоборот! — выдержишь ли такой напор счастья?.. В последние месяцы со мной это постоянно случается.

Мы пошли на водопад. Карабкались по камням, по уступам, долго лезли вверх, к небу. Как вдруг... Многомного капелек, паутина из воды, висящая в воздухе. И разрывая её посередине — неширокий серебряный столб. Я вошла в прозрачное сияющее облако и задыхнулась. Стояла и всхлипывала. Сделала шаг, ещё шаг — лицо, голова, волосы, всё тело. Столб воды. Невозможно дышать, невозможно стоять. ...Не стирай, не стирай, не стирай меня, пожалуйста! Я так любила всё это... Ну зачем ты уносишь, я ведь верила, что всё правильно... Я так любила...

Вышла, отдышалась. Вода звала, казалась нестрашной со стороны. Может, мне просто почудилось? Может, я просто устала, взбираясь на эту высоту? Гипервентиляция, давление, что бы там ещё сказали люди науки? Я приблизилась снова, вошла в паутину капелек. Нет, не почудилось. Значит, я пройду всё, что нужно. Подняла руки над головой, протянула их воде: забирай! Ту, которой я была и которой теперь никогда не буду... Перед моими закрытыми глазами побежали крапинки, звёзды, серые быстрые линии. Это вода сжигала и рассеивала в огромном мире моё старое, ненужное нутро, в котором больше не было ни правды, ни смысла. Я стояла и беззвучно, бесслёзно плакала. Потом, когда всё закончилось, ринулась

под струю, вжалась руками в окружающие скалы, словно пытаюсь раздвинуть и спрятаться в них.

Шатаясь, вышла из воды. Пьяная серебряной пустотой внутри. И одновременно наливающаяся новой силой, пока зашифрованной, пока невыразимой...

* * *

Как я могу любить кого-то одного? Я не могу. Я люблю и этого человека, и того, и ещё вот этого... Андрей ворчит: «Ну да, у тебя все хорошие!». А как по-другому? Разве по-другому — это правда? Нет, это не правда. Потому что ведь и на самом деле все хорошие — у всех есть душа. Я глажу коровок на улице, глажу дерево в парке, глажу свою спутницу по плечу, глажу свои чётки из разноцветных камушков. И всё откликается — потому что всё живое, всё — части Бога.

Ощущая эту многомерность любви и взаимодействия со всем и всеми, теперь смеюсь и удивляюсь: как долго пыталась соответствовать каким-то «правильным» концепциям в мужеско-женских отношениях! Люби одного, служи одному, не смотри на других. Может, для кого-то так и верно. Но для меня — нет. Как запереть своё сердце, ограничить его тепло, силу? Как убедить себя, что это — грязь, грех, искушение, просто потому, что, например, душа находится в теле противоположного пола? Она ведь так красиво сияет...

Как можно обещать кому-то своё сердце навсегда? Как можно обещать — кому-то одному? Любить — это шире, чем только одного человека. Любить — это

раскрываться навстречу, видеть красивое, самое лучшее в другом и дальше — во всех людях, с которыми сводит жизнь...

...Нет, не просто в людях. Душа зашифрована, запрятана в личность. Личность имеет свои мысли, свою эмоциональную палитру и заключена в тело. Эдакая матрёшка. Я смотрю своими глазами в глаза другого человека. От тела к телу. Мы обмениваемся мыслями, взаимодействуем на уровне чувств. От ума к уму, от сердца к сердцу. Но я стараюсь рассмотреть и его Душу. Возможно даже своей Душой чувствую притяжение к его Душе, если мы должны научить друг друга чему-то, если нами когда-то было решено пройти вместе некий путь. И в этом случае выстраиваются все внешние «матрёшки» — физическое притяжение, интеллектуальное сопряжение, эмоциональное совпадение... Но только — если есть совпадение на уровне Душ. Тогда неважны внешность, социальные различия, расстояния, разница в возрасте — всё меркнет, ведь это внешнее, и возможно, оно даже специально именно такое, какое есть, потому что относится к будущим урокам, которые люди друг другу дадут.

Мы с Андреем созванивались по скайпу два раза за эти полторы недели. Но так всего не ухватишь: один раз я бурно рассказывала ему про Индию (ещё из Дели), вчера он говорил про работу, был уставшим. Много вопросов. Конечно, рискованно и непредсказуемо было с моей стороны вот так, после всего четырёх месяцев отношений, собрать рюкзак и укатить в бессрочное путешествие. Но... это же я.

Кажется, он не слишком скучает — работа поглощает всё внимание и время. Что ж, значит, сейчас так правильно. Что я могу знать о его пути? Может быть, и мой долг на нынешнем этапе жизни, раз уж мы в отношениях, — развиваться в собственном пути, поддерживать его тихо и спокойно, просто своим примером.

Поймала себя ещё вот на какой мысли: у меня совершенно исчезло ощущение «это МОЙ мужчина». Может, только с ним так, а может, оно вовсе исчерпалось. Это — Душа, рядом с которой я прохожу определённый отрезок пути. Мне даже не дано знать, насколько длинным он будет. Очень трепетное ощущение почтения, уважения, нежности, внимательности, восхищения — без притяжательных местоимений. Хотя, конечно, социум мыслит другими категориями, и когда меня спрашивают о том, есть ли у меня партнёр (даже когда брамин спрашивает, замужем ли я!), обращаюсь мыслями и словами к Андрею.

* * *

Здесь, в Индии, я часто думаю о смерти — она всё время рядом. Правила дорожного движения (вернее, их отсутствие), второе место в мире по уровню смертности от СПИДа (при самых дешёвых в мире таблетках), трущобы, нищенство, антисанитария, костры Варанаси... И параллельно с этим в Москве умирает от скоротечного рака дочь маминой подруги — врачи дают ещё несколько дней... Вчера созванивались, мама говорит, что засыпает и думает

обо мне, просыпается и думает обо мне. Я понимаю: она смотрит на подругу-ровесницу, которая уже готовится хоронить свою девочку. Её дочь старше меня на пять лет... Помимо вполне ясной горечи расставания с любимым, родным человеком, сложно примириться и с этим природно-нелогичным событием, когда ребёнок уходит раньше родителя. Тут мы, конечно, упираемся в вопросы кармы каждого человека, и это целая отдельная тема, мне не хочется сейчас всё смешивать. Думаю о другом: как много в нас сопротивления, жёсткости. Расставание, завершение чего-либо, умирание — всё это циклы. Не лучше и не хуже, чем встреча, начало, рождение. Но последнему мы радуемся, приветствуем, считаем благим событием, первого же боимся, сопротивляемся ему, стремимся всеми силами избежать (как будто это возможно). Животная часть в каждом из нас сильна: здоровое существо отшатывается от больного — инстинкт. Я прекрасно помню прикосновение к мёртвому телу, и осознаешь ведь, что это уже не твой родной человек, а просто пустая оболочка, но всё равно зверёк внутри обмирает от ужаса. Это преодолевается, но первая реакция — именно такая.

Что получается в результате? Мы живём жизнь, разную, не всегда простую, с близкими людьми, а когда они уходят, нам так страшно на это смотреть (и так страшно за себя), что мы бьёмся в отчаянии перед постелью умирающего, пытаемся договориться с Богом, ангелами, эгрегорами, кем угодно, прибегаем к любым доступным медицинским ухищрениям (иногда даже вопреки желанию больного). И тем самым

делаем умирание, сакральный и величественный процесс, трагическим и несоответствующе суетливым. Всё это — из-за безуспешных и бесконечных попыток подавить свою боль, из-за сопротивления, которое только усиливает страдания.

Точно так же мы любим, а когда любовь заканчивается, практически умирает, так страшно смотреть в лицо этому этапу, что мы устраиваем скандалы или замораживаемся, впадаем в горячие обвинения или острую жалость к себе... В любые состояния, кроме наблюдения, кроме достойного и спокойного, благодарного принятия этапа, который дан. Нам слишком страшно, ведь слишком близка смерть в этот момент, пусть и в фигуральном выражении.

Много лет назад внутрь запала фраза: именно сопротивление приносит нам такую сильную боль, поэтому нужно отпустить и наблюдать. И ведь существуют тибетская книга мёртвых, египетская книга мёртвых, специальные практики подготовки к смерти, т. е. это целая наука, которую следует начать постигать ещё в молодом возрасте. Как нам приблизиться к этой науке? Пока я не знаю иного способа, кроме медитации. Смотреть на своё страдание, гнев, отчаяние, беспомощность, сопротивление и т. д., позволять им быть, просто дышать. Давать пространство этим эмоциям — и любви, которая всегда есть за ними, потому что любовь — основа всего. Только слишком часто мы проявляем её в искажённых до неузнаваемости формах... Медитация создаёт пространство, свободу, видение истинного

положения вещей. По чуть-чуть размыкается цепь неосознанных реакций. И тогда мы можем выбирать. Поблагодарить бывшего партнёра (остающегося любимым) в момент расставания. Подержать за руку умирающего, посидеть рядом. Наблюдая свою боль, позволяя ей быть, пропускать её насквозь, не запирая, не подавляя, не отрицая. Тогда она протекает чистым потоком и уходит вслед за событием. А любовь к человеку и благодарность за эту встречу, любую по срокам, по степени близости друг к другу, остаются навсегда.

* * *